

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

(ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА)

Г. А. Невелев

С напряженным вниманием следила в конце 1825 г. Западная Европа за драматическими событиями династического кризиса в России. Слухи о неожиданной смерти Александра I, последовавшей 19 ноября, со значительным опозданием официально подтвержденные из Петербурга, и наступившая затем временно полная неизвестность относительно того, что же происходит в России, вызывали различные толки в западноевропейских странах. Русское правительство ограничилось краткой информацией о болезни и смерти Александра I, помещенной в «Journal de Saint-Petersbourg», и тем самым дало повод ко всевозможным измышлениям. Европейские газеты, подвергая сомнению достоверность официального сообщения, муссировали версию о насильственной смерти Александра I. Так, английские «Times», «Morning Post», «Globe», «Morgan Herald» поместили «подходящие» исторические справки с описанием обстоятельств смерти Петра III и Павла I.

Вслед за официальным уведомлением о смерти царя и неофициальным — о присяге новому царю Константину, полученным из России в начале декабря 1825 г., распространился слух, что Константин, объявленный императором, отказался от короны. Эта новость была мгновенно подхвачена западноевропейской печатью. Сообщались самые противоречивые подробности о событиях междоусердствия в России. «В Берлине,— записал в дневнике 6 декабря 1825 г.¹ прусский государственный деятель и писатель Ф. фон Энзе,— господствует величайшее смущение: думают, что идет дело о спокойствии Европы»². Австрийский канцлер К.-В. Меттерних, вдохновитель «Священного союза», отнесся к известию о событиях в России с полной серьезностью. Опасаясь упустить время для завоевания симпатии и расположения будущего российского императора, он оказался в растерянности, не зная, на кого из двух братьев делать в тот момент ставку³. Русский посол в Вене Д. П. Татищев уверял канцлера, что престол займет в конечном счете Константин, и даже отменил молебен в посольской церкви в связи с приведением к присяге⁴. И Меттерних на всякий случай стал распускать в дипломатических кругах слух о том, что получил от Константина письмо с выражением «наимиролюбивейших намерений»⁵.

В Лондоне сообщения об отречении Константина были встречены с сомнением. Газета «Sun» назвала их клеветой; «Courier» назидательно писала о том, что «государи не сходят с трона так же просто, как извозчики перебираются из одного помещения в другое»; «Morgan Herald» обвиняла в организации подобного рода разговоров биржевых спекулянтов, заинтересованных в повышении курса русских ценных бумаг⁶. Французский посол в России граф Ляфферона убеждал свое правительство, что «провозглашенный императором вел. кн. Константин примет корону»⁷. В Берлине упорные разговоры об отречении Константина были поколеблены объявлением русского посланника Д. М. Алопеуса, приглашавшего подданных России 20 де-

¹ Даты даны в переводе на русский календарь (по старому стилю).

² А. Н. Пыпин. Очерки литературы и общественности при Александре I. Птгр. 1917, стр. 172.

³ Metternich. Mémoires, documents et écrits divers, T. IV. P. 1881, pp. 258—260.

⁴ Ibid., pp. 261, 269.

⁵ С. С. Татищев. Воцарение императора Николая. «Русский вестник», 1893, № 3, стр. 153.

⁶ И. Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение. «Печать и революция», 1925, кн. 8, стр. 38—39.

⁷ С. С. Татищев. Указ. соч., стр. 150.

кабря в посольской церкви принести присягу Константину. Одновременно газета «Konversationsblatt» сообщила, что в одном из прусских календарей вел. кн. Николай Павлович назван преемником Александра I. Эти сведения попали во французские газеты. Разразился политический скандал. Прусское правительство, полагая, что этот факт может скомпрометировать его, издало приказ о запрещении названной газеты за распространение «умышленной лжи» (хотя злополучный календарь был обнаружен и сообщения газеты подтвердились)⁸.

В этой обстановке неизвестности и недоумения в Западную Европу пришли, наконец, официальные документы о вступлении на престол Николая I и проникли первые смутные известия о событиях на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года. 24 декабря берлинские газеты поместили эти документы, но, замечает Ф. фон Энзе, ничего не сообщили о «том происшествии, при котором погиб Милорадович; наша публика очень озадачена этим, так как боится, что правительство может иметь и другие, более неприятные известия. Новые колебания, новые опасения»⁹. В Пруссии события в России вызвали противоречивые чувства. С одной стороны, восшествие на престол Николая I по династическим соображениям берлинского двора рассматривалось как благоприятный исход дела; но, с другой, в политическом отношении опасались, что при этом царе Россия будет оказывать большее влияние на прусские дела. 26 декабря о воцарении Николая и петербургских событиях узнали в Вене. Такой оборот дела не смутил австрийского канцлера. Меттерниху понравился манифест о восшествии на престол нового императора от 12 декабря, который он назвал «памятником мудрости и мира»¹⁰. По указанию канцлера, в австрийских газетах было опубликовано то место из манифеста, где говорилось о верности Николая политической системе Александра I. «Достойная сожаления борьба окончена, и у нас есть император. Я поздравляю с этим Россию и Европу», — писал Меттерних 27 декабря¹¹. В том, что Николай станет «его императором», канцлер не сомневался. В этом его окончательно убедили события 14 декабря, которые он сразу же расценил как серьезное революционное выступление. «Россия больна той же болезнью века, что и другие страны», — отмечал Меттерних¹².

До Парижа известия о восстании в Петербурге дошли 29 декабря. «Journal des Débates» так информировал читателей: «В Петербурге происходят бои. Императорская гвардия стреляла в императорскую гвардию; одни выступают за Николая и систему Александра, а другие — за Константина и московскую партию, которая требует войны за Грецию... Возможно, это — движение, которое может перекинуться на всю армию и во все уголки империи, в частности в Москву, Польшу. Бессарабию»¹³. В Лондоне сообщение о восстании в Петербурге было получено 30 декабря и встречено в местных политических кругах с удовлетворением. Руководители британской внешней политики считали вступление на престол Николая I лишь первым актом развернувшейся борьбы за престол, с которой они связывали надежду на ослабление и, возможно, распад Российской империи. Так, многие английские газеты в конце декабря 1825 г. обсуждали возможность отделения от России Польского королевства во главе с Константином.

На вести из Петербурга европейская общественность в целом реагировала по-разному. Биржи откликнулись резким понижением котировочного курса облигаций русского займа 1822 года. В дипломатических сферах восстание декабристов воспринималось как событие огромной важности. Правительства европейских стран воздерживались от каких-либо заявлений и публиковали только официальные документы. Газеты были полны всевозможных толков и догадок. Вокруг событий в российской столице складывалась обстановка сенсационности. Поэтому Петербург наблюдал за европейским общественным мнением с беспокойством. Царизм стремился

⁸ А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 173, 175.

⁹ Там же, стр. 176.

¹⁰ Metternich. Op. cit., p. 308.

¹¹ Ibid., p. 270.

¹² Ibid., p. 271.

¹³ См. П. Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции. «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 99.

создать в Европе постоянное представление о России как о неколебимой и могущественной монархии, народ которой бесконечно предан своему государю. Поэтому царское правительство принимало меры к быстрому и широкому распространению в Европе правительственных реляций о событиях 14 декабря.

Испуг, испытанный Николаем на Сенатской площади, и необычные обстоятельства его воцарения заставили нового императора в первые же минуты после подавления восстания лихорадочно искать такое «объяснение» петербургским событиям, которое, подчеркивая «законность» восшествия его на престол, представило бы в глазах Западной Европы случившееся как досадное недоразумение. Правительственный историограф Н. М. Карамзин, растерянный и встревоженный пережитым, не в состоянии был владеть пером. По его совету составление описания «происшествия» было поручено для всеобщего обнародования вызванному во дворец вечером 14 декабря Д. Н. Блудову. Николай I приказал ему «сделать сие поспешно тут же, не выходя из его кабинета»¹⁴.

15 декабря блудовское обозрение было напечатано в виде прибавления к «Санкт-Петербургским ведомостям». Цель его: убедить общественное мнение в том, что выступление декабристов является лишь незначительным происшествием. Сообщение рисовало восстание как бунт горстки «безумцев», которыми «начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшая толпа черни окружала их и кричала «ура!». Значительная часть правительственной реляции была посвящена доказательству «глубоко безнравственного» характера событий, «зачинщики» которых, «пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени открыто не нашли себе других пособников кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных»¹⁵. Столь карикатурное изображение восстания в первом же официальном сообщении о нем точно отражало официальную направленность публикации.

15 декабря министр иностранных дел России К. В. Нессельроде сообщил иностранным послам и посланникам, аккредитованным при русском дворе, что «его величество составил описание вчерашних событий, но прежде, чем его опубликовать, он желает, чтобы дипломатический корпус ознакомился с ним». «Завтра утром, — писал в Вену в тот же день австрийский посол Л. Лебцельтерн, — я отправляюсь к Нессельроде для присутствия на этом экзамене»¹⁶. 16 декабря министр зачитал послам циркулярную ноту о «происшествии 14 декабря»¹⁷. Послы заверили царское правительство, что «эта реляция точна настолько, что совершенно не отличается от их собственных сообщений, которые они отправят по этому поводу для информирования своих дворов»¹⁸. Печатное объявление Блудова и нота Нессельроде были тотчас отосланы в виде циркуляра русским посланникам за границей для передачи иностранным правительствам. Нессельроде подчеркивал, что они предназначены для оглашения. В депеше от 10 января 1826 г. русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену он в частности писал: «Прошу Вас сообщить приложенные к сему документы двору, при котором Вы аккредитованы, и дать этим документам самую широкую огласку»¹⁹.

Однако, несмотря на все эти меры, общественное мнение и правительственные круги стран Западной Европы с недоверием отнеслись к официальной версии о причинах того, что произошло на Сенатской площади. Еще бóльшие сомнения вызвали тревожные донесения послов из Петербурга, посланные в европейские столицы. Так, посол Франции в России Ляферронэ сообщал в депеше от 15 декабря французскому министру иностранных дел А.-Г. Дама: «Несомненно, если бы... восставшие возымели несчастную мысль двинуться к дворцу, ничто не могло бы помешать им достигнуть его; можно было даже бояться, что Преображенский полк, настроение которого было неопределенным, присоединится к восставшим, и тогда можно было опасаться самых ужасных последствий... То, что наиболее поразило меня при наблю-

¹⁴ Ф. Ф. Вигель. Записки. Т. 2. М. 1928, стр. 269—270.

¹⁵ «Государственные преступления в России в XIX веке». Т. 1. СПб. 1906, стр. 1—2.

¹⁶ «La Russie et l'Autriche. (Documents inédits)». «Le Monde slave», 1938, t. 1, p. 259.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, л. 503, ч. 1, лл. 1—4.

¹⁸ «La Russie et l'Autriche», p. 260.

¹⁹ И. З в а в и ч. Указ. соч., стр. 41.

дении событий этого дня, это участие в них народа, а также доносившиеся до меня разговоры, которые доказывают, что происходит усиленная обработка умов в самом либеральном духе... Не следует скрывать, господин барон, что положение нового императора очень трудное и критическое. Подавление этого первого возмущения еще не устраняет того настроения, которое царит среди молодых офицеров, а настроение это мятежное»²⁰. Меттерних, не сомневавшийся в характере восстания 14 декабря, остался очень доволен тем, что оправдались его предупреждения, высказанные ранее Александру I о существовании заговора в России²¹. В начале января 1826 г., когда подлинный характер событий, происшедших в Петербурге, стал постепенно проясняться, европейская печать уже открыто выражала недоверие официальным сообщениям.

Царское правительство оказалось в сложном положении. Официальная версия о «бунте пьяных» не только не достигла цели, но, напротив, создала в Европе впечатление о событиях 14 декабря, которое наносило ущерб престижу Российской монархии. Они трактовались уже не как заурядное происшествие, вызванное некоторыми осложнениями при наследовании трона, а как эпизод открытой борьбы за русскую корону, Николай же выступал как узурпатор, силою овладевший престолом. Несмотря на все старания царского двора, на глазах рушилась легенда о неподвластности «девственной России» революционному воздействию. Петербург был поставлен перед необходимостью найти такое объяснение случившемуся, которое смогло бы убедить Европу в том, что хотя 14 декабря и представляло собой «попытку революции», но, тем не менее, явилось лишь «случайным и минутным испытанием».

Полностью убедившись вскоре, что восстание на Сенатской площади и тайные революционные общества «составляют одно целое», Николай I, первоначально рассматривавший первое как выступление лишь против себя лично, принял решение придать следствию и последующему суду возможно большую огласку. «Я думаю, что это и долг, и хорошая и мудрая политика», — писал он брату 28 декабря²². Замысел царя заключался в том, чтобы, изобразив события 14 декабря как можно ужаснее и в подробностях описав «бесчеловеческие умыслы» и «зверскую наружность» их участников, представить восстание как крайне опасное для общества явление, лишенное, однако, социального содержания; как не имеющее исторических корней и совершенно чуждое русскому народу «злодейство» горстки элементов, подпавших под влияние революционных идей Запада.

Обнародовав «все тайны ненавистной и гнусной шайки, все злодейские умыслы заговорщиков» в расчете вызвать, таким образом, «гнев людей благонамеренных и страх обывателей», Николай I задумал превратить процесс над декабристами во «внушительный пример». В беседе с Ляфферонэ он заявил: «Это должно послужить примером и для России и для Европы»²³. Основные мысли новой правительственной концепции восстания были сформулированы в манифесте 19 декабря 1825 года²⁴. Манифест был первым правительственным документом, в котором предпринималась попытка раскрыть определенные причины восстания декабристов и осветить их политические цели. Утверждая случайность происшедшей «вспышки», царское правительство изо всех сил стремилось показать «всему свету, что российский народ, всегда верный своему государю и законам, в коренном составе... неприступен тайному злу безначалия», и обнародовать, «как истреблять сие зло и доказательство, что оно не везде неисцельно». В качестве главной причины событий манифест указывал на влияние западных революционных учений.

20 декабря послы западных держав были приглашены во дворец на аудиенцию, которая носила частный характер, поскольку ни один из них не успел еще вручить своих верительных грамот новому царю. Выступая перед дипломатами, Николай I

²⁰ П. Ангран. Указ. соч., стр. 101—102.

²¹ Metternich. Op. cit., p. 311.

²² «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». М.-Л. 1926, стр. 169.

²³ П. Ангран. Указ. соч., стр. 102.

²⁴ М. Погодин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 2. М. 1866, стр. 467. Текст манифеста был написан М. М. Сперанским.

изложил основные идеи новой официальной версии. «Я хочу, — заявил он, — чтобы вся Европа узнала всю истину о событиях 14 декабря. Объявляю вам: ничто не будет скрыто, причины, последствия, виновники заговора станут известны всему миру»²⁵. Далее царь утверждал, что армия проявила непоколебимую верность престолу, и старательно подчеркивал «особый» характер петербургских событий в отличие от революционных выступлений на Западе: «Восстание это нельзя сравнивать с теми, что происходили в Испании и Пьемонте. Слава богу, мы до этого еще не дошли и не дойдем никогда... Еще раз повторяю вам: то было не восстание»²⁶. Николай I настойчиво проводил уже высказанную в манифесте мысль о том, что источником событий на Сенатской площади явилось влияние иноземных революционных учений: «Революционный дух, внесенный в Россию горстью людей, заразившихся в чужих краях новыми теориями, пустил несколько ложных ростков и внушил нескольким злодеям и безумцам мечту о возможности революции, для которой, благодаря богу, в России нет данных. Вы можете уверить ваши правительства, что эта дерзкая попытка не будет иметь никаких последствий»²⁷.

«Успокоительная» речь царя не убедила посланников в незначительности происшедших событий. «Я должен заверить вас, господин барон, — писал Ляфферонэ своему министру 24 декабря 1825 г., — что я далеко не разделяю чувства беспечности, которую проявляет император в отношении только что развернувшегося заговора. Все, что я узнаю от людей благоразумных и хорошо осведомленных о настроении умов, внушает мне еще более беспокойства относительно последствий этого крупного события... События, свидетелями которых мы были, предвещают еще более грозные последствия... Мина взорвалась слишком рано из-за нетерпения и горячности нескольких молодых людей; и даже при этих обстоятельствах им был бы обеспечен успех, если бы во главе их стоял хоть один человек, у которого было бы столько же присутствия духа, сколько у них решимости»²⁸.

Чрезвычайный посол Франции Сен-При, прибывший в Петербург поздравить Николая I с благополучным восшествием на престол, в донесении от 8 января 1826 г. сообщал: «Можно сказать с уверенностью, что если бы в день 14 декабря восставшие выказали больше энергии, они разделились бы с империей и с императором... Здешняя революция была бы страшной; речь шла бы не о том, чтобы низложить одного императора и заменить его другим: весь общественный порядок был бы потрясен до основания, и Европа покрылась бы его обломками»²⁹. О том же писал из Петербурга Евгений, принц Вюртембергский: «Нельзя не признать, что возможность осуществления полного переворота в России, благодаря совершенно исключительным обстоятельствам, зависела от одной счастливой случайности»³⁰.

В январе 1826 г. многие европейские газеты, публикуя русские официальные документы, в своих комментариях изображали положение в Петербурге как состояние ужаса, страха и глухого молчания. Они сообщали о том, что в столице империи боятся продолжать следствие. Царский посол в Париже К. О. Поццо ди Борго в депеше от 21 января своему правительству докладывал, что некоторые французские газеты и журналы пытаются «предвещать катастрофы еще более страшные, бросать сомнения на самые достоверные сведения и, наконец, оправдывать мятеж и измену»³¹. В Зимнем дворце не могли без раздражения читать европейскую прессу. Пытаясь воспрепятствовать проникновению за границу неофициальной информации о положении в стране, правительство предприняло ряд репрессивных мер против иностранцев, проживавших в России и, возможно, являвшихся очевидцами событий 14 декабря. В начале 1826 г. они были взяты под надзор полиции, а некоторые иностранные подданные, замешанные в деле о «злоумышленных обществах», — вы-

²⁵ С. С. Татищев. Указ. соч., № 4, стр. 7.

²⁶ Там же, стр. 7—8.

²⁷ Там же, стр. 9.

²⁸ П. Ангран. Указ. соч., стр. 103.

²⁹ Там же, стр. 110.

³⁰ «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg». Bd. IV. B. 1862, S. 39.

³¹ О. В. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция (I половина XIX в.). М. 1973, стр. 99.

сланы из России. Однако эта мера не могла дать желаемого результата: в Петербурге в то время, по официальным данным, проживало более 10 тыс. иностранцев.

Николай I был вынужден вновь пригласить во дворец Ляфферона для «дополнительных разъяснений». В первых числах января при неофициальной встрече с послем он заявил: «Я сам хотел известить вас о результатах наших первых расследований, дабы облегчить вам средство сообщить королю самые точные сведения об этом заговоре, который наделает столько шума, вызовет столько предположений... Нелепые басни, распространяемые даже здесь, дают понятие о тех, что будут выдуманы в чужих краях... Я предвижу, что потребуется много времени, чтобы ослабить впечатление и успокоить страх, порожденный этим заговором во всей Европе»³². Внося коррективы уже во вторую редакцию официальной версии восстания, изложенную в речи перед дипломатами 20 декабря 1825 г., царь старался убедить своего собеседника, а вместе с ним европейское общественное мнение в том, что «ужасное происшествие», случившееся в Петербурге,— ответвление общеевропейского заговора; что «дело идет не только о существовании России, но и о спокойствии Европы». Царь хотел представить начавшееся следствие по делу декабристов как значительную услугу, оказываемую им Европе: «Новая попытка, совершенная здесь, надеюсь, поможет нам дойти до источника зла и разоблачить, наконец, истинные намерения заговорщиков. Мы следили за всеми разветвлениями заговора и знаем уже, что они простираются до Варшавы и Дрездена, а может быть еще далее. Доселе мы не нашли прямого сообщения с Парижем, тем не менее несколько заговорщиков находятся там в настоящую минуту. Другие заговорщики живут в Италии... Впрочем, все дело это кончено, по крайней мере в последствиях, коими оно угрожало спокойствию Европы»³³.

Указывая на существование «всевропейского заговора», лишь случайно проявившегося 14 декабря 1825 г. в Петербурге, Николай I рассчитывал запугать правящие круги Западной Европы «ужасающими последствиями» революционного движения и одновременно отвлечь внимание европейской общественности от оставшихся во многом непонятными для нее обстоятельствами междуцарствия, от подробностей кровавого подавления восстания, а также, опираясь на поддержку европейской реакции, оправдать преследования свободомыслящих и будущий жестокий приговор участникам тайных обществ. Чрезвычайным представителям западноевропейских стран было официально заявлено, что следствием обнаружены тесные связи заговорщиков с европейскими тайными обществами³⁴. Стремясь придать этой версии более убедительный характер, Николай I приказал выяснить, «не имели ли влияния на действия и планы злоумышленников державы иностранные?». У следствия возникли подозрения «на двор Стокгольмский, потому что носился слух, будто в Финляндии есть тайное общество, желающее присоединения сей области к Швеции; на Австрию по тесным родственным связям князя Трубецкого с бывшим австрийским посланником графом Лебцельтерном; на Англию, ибо некоторые из допрошенных утверждали, что кабинет Сентджемский обещал помогать Варшавскому тайному обществу в предприятиях оною для отделения Польши от России и что Страдфорд-Каннинг, проезжая из Петербурга через Варшаву, виделся тайно с некоторыми их сочленами». Кроме того, предполагали, что «лейтенант Завалишин имел связи с господином Сальманом, посланником Испанского революционного правления, и с генералом Боей, родственником президента республики Сан-Домингской»³⁵.

Следствие никаких сведений об «особых» связях декабристов с Западом не дало. Тем не менее царь стремился создать общеевропейский контрреволюционный фронт. Желая «подсказать» за границе нужный образ действий, он говорил шведско-

³² С. С. Татищев. Указ. соч., № 4, стр. 22.

³³ Там же, стр. 23, 25—26.

³⁴ Duke of Wellington. Despatches, Correspondence and Memoranda. Vol. III. L. 1860, p. 152.

³⁵ «Приложение к докладу Следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 году». «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 434—435; ср. «Английский министр Каннинг под надзором русской полиции». «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 198; С. Чернов. Поиски сношений декабристов с Западом. «Из эпохи борьбы с царизмом». Сб. 5. Киев. 1925, стр. 114—116.

му посланнику в Петербурге Пальмшерне: «Если явилась бы необходимость, я приказал бы арестовать половину нации ради того, чтобы другая половина осталась незараженной»³⁶. Нессельроде в дипломатических посланиях намекал европейским правительствам, что те должны быть заинтересованы в уничтожении последствий открытого в России заговора, так как его влияние могло распространиться «по всему миру». Не забывая подчеркивать «иностранные источники» восстания 14 декабря, официальный Петербург внушал правительствам европейских стран необходимость совместных согласованных действий в борьбе с революционной опасностью.

Западноевропейская реакция, не на шутку встревоженная известиями из России, в свою очередь, постаралась усилить борьбу с революционными «происками». «Действовать объединенными силами» призывала французская газета «*Drapeau blanc*». 2 января 1826 г. в статье «Политика Европы при современном положении» она писала: «Каково бы ни было будущее, подготовляемое божественной мудростью, для нас, людей религиозных и монархически настроенных, важно прежде всего сомкнуть свои ряды и противопоставить событиям неприступный фронт»³⁷. В Пруссии было возобновлено следствие по делу группы молодых людей, сидевших в крепости Кепеник по обвинению в революционных замыслах³⁸. В Австрии заключенные в крепости Шпильберг подверглись допросам, на которых от них потребовали сведений о связях с декабристами.

В начале февраля 1826 г. французская газета «*Constitutionnel*» сообщила, что начальник прусской тайной полиции Кампц «работает над мемуарами, где он неопровержимо доказывает тесную связь русских и немецких происков». Немногим позже «*Moniteur*» известил читателей, что в Петербург «прибыли уже записки г. Кампца, где этот ученый публицист доказал связь русского заговора с немецкими происками, особенно с Союзом старых». По всей вероятности, эти сообщения французских газет, надлавшие много шума, явились отголоском действительного факта доставки в Петербург подобной записки, но не прусским, а австрийским правительством. В секретном донесении на имя Дамá от 18 января 1826 г. Ляферронэ сообщал о том, что направленному из Вены в русскую столицу для присутствия на похоронах Александра I и для поздравления Николая I с восшествием на престол эрцгерцогу Фердинанду д'Эсте был вверен меморандум австрийского правительства русскому двору. В нем на основании бумаг, якобы перехваченных австрийской полицией, утверждалось, что революционные тайные организации в Германии и Италии готовятся к общему революционному восстанию. Ввиду этого Меттерних призывал царское правительство выполнить свои международные обязанности и, жертвуя в целях высшего интереса самоохраны всеми прочими соображениями, тщательно избегать таких политических акций, которые ослабляли бы единство европейских стран и способствовали бы таким образом успеху революционеров³⁹. При этом он недвусмысленно намекал царю, что «Россия заинтересована более Австрии в том, чтобы революция не восторжествовала в тех местах, где она проявилась»⁴⁰.

Так нагнетание нервозности, нарочито начатое по инициативе официальной России, оказалось на руку австрийскому канцлеру и значительно повысило его политические амбиции. Меттерних явно стремился воспользоваться ситуацией и, обратив оружие царя против него самого, уже сам хотел напугать его опасностью нового революционного взрыва и отвлечь от крупных внешнеполитических предприятий, чтобы именно Австрия могла стать полноправным руководителем европейской политики. Действия канцлера не прошли бесследно. Фердинанд д'Эсте сообщал Меттерниху 4 февраля: «Император рассматривает заговор как чисто русскую конспирацию. Он лишь начинает подозревать, что она находится в бесспорной связи с общеевропейским революционным заговором. В моих беседах я все время стремился доказать, что заговор имеет источники не в русской почве, но за границей»⁴¹.

³⁶ «Император Николай I в донесениях шведского посланника». «Русская старина», 1903, № 10, стр. 207.

³⁷ П. Ангран. Указ. соч., стр. 107.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 9, лл. 1—14.

³⁹ С. С. Татищев. Указ. соч., № 5, стр. 106.

⁴⁰ Metternich. Op. cit. T. IV, p. 282.

⁴¹ «La Russie et l'Autriche», p. 247.

Вслед за посланием Меттерниха в Петербург поступил секретный доклад короля Сардинского, расценивавшего события 14 декабря как попытку «самого большого переворота» после Французской буржуазной революции конца XVIII века. В этом докладе утверждалось, что «дело 14 декабря не было изолированным делом, и те, кто взял на себя задачу возмутить Россию и Польшу и убить царскую фамилию, составляли лишь часть той самой партии, которая действует во всех остальных государствах Европы». Николай I предоставил пьемонтскому посланнику в Петербурге графу ди Саль чрезвычайную аудиенцию, чтобы выслушать «разоблачения» короля Сардинского о международных связях декабристов. В Пьемонте считали, что «великим державам надлежит дать сильный толчок для установления повсюду контрреволюционного режима»⁴².

Сведения французских газет о «литературной деятельности» начальника тайной прусской полиции Кампца оказались вполне достоверными. В феврале — апреле 1826 г. в Петербург из Берлина были присланы три секретные записки, содержащие краткий обзор революционного движения в Европе⁴³. В июле 1826 г. Кампц, составив «Сравнение между «Союзом благоденствия» в России и «Союзом добродетели», утверждал, что имела место идейная связь декабристов с немецкими организациями «Союз добродетели», «Союз молодых и старых», «Студенческий союз», а также с итальянскими обществами «Адельфи» и «Сублими маэстри». Кампц делал вывод, что тайные общества в России пошли по тому же пути, которым раньше пытались идти немецкие революционеры. Прусское правительство сочло необходимым размножить и переслать записку Кампца во все европейские столицы⁴⁴.

Французское правительство, с готовностью предложившее свои услуги Николаю I, деятельно занялось поисками «декабристов» в Париже. Министр внутренних дел Ж. де Корбьер отдал приказ об установлении тщательного наблюдения за «неблагонадежными» русскими, в частности за полковником Н. А. Старынкевичем, который, по сведениям Нессельроде, «мог быть связующим звеном с революционерами других стран». Французская полиция помогла установить автора статьи о декабристах в журнале «La France chrétienne», написанной в весьма либеральном духе. Им оказался граф Толстой, но он, по словам Корбьера, «своевременно удалился, чтобы не подвергнуться преследованиям»⁴⁵. Лондон же остался холоден к призывам, раздававшимся из Петербурга. Царское правительство не решилось обратиться с официальной нотой к британскому правительству о содействии в раскрытии революционного заговора и попросить о принятии мер полицейского надзора и, в частности, о выдаче находившегося в то время в Англии «государственного преступника» декабриста Н. И. Тургенева. Тогда русский посол Ливен нашел способ неофициального воздействия на Лондон. Он стал подавать в британское министерство иностранных дел проекты своих так и оставшихся не отправленными официальных представлений⁴⁶. Дж. Каннинг подтверждал получение проектов, но, оставляя их для дальнейшего изучения, не предпринимал никаких практических шагов в целях удовлетворения настояний Петербурга⁴⁷.

Реакционная европейская пресса сравнительно быстро усвоила официальную версию восстания декабристов. Газеты, полностью воспроизводившие правительственные сообщения из Петербурга и не скрывавшие своего удовлетворения преследованиями революционеров в России, пытались преуменьшить значение событий 14 декабря и принизить участников восстания на Сенатской площади в глазах общественного мнения. Клерикальная «L'Etoile» восторженно рассказывала о «героическом» и «великодушном» поведении Николая I в день восстания. Отрывки из этой статьи появились в англ-

⁴² Д. Берти. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М. 1959, стр. 429—430.

⁴³ Рукописный отдел ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 859 (Н. К. Шильдер), карт. 4, д. 16, лл. 3—9.

⁴⁴ В. О. Борис. Документ про міжнародні відгуки на діяльність декабристів. «Український історичний журнал», 1959, № 6, стр. 116—118.

⁴⁵ П. Ангран. Указ. соч., стр. 111—113.

⁴⁶ И. Звевич. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством. «Тайные общества в России в начале XIX в.». М.-Л. 1926, стр. 91—92.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 728 (Библиотека Зимнего дворца), д. 1421, л. 9 об.

лийских газетах «Globe», «Times», «Morning Post». В то же время либеральная печать европейских стран, с сомнением относящаяся к официальным известиям, сочувственно писала о людях, которые участвовали в восстании 14 декабря, и его последствиях. Прогрессивная европейская общественность с удивлением увидела «Россию, про которую думали, что она терпеливо несет ярмо самодержавной власти, — сидящей на вулкане». Россия, писал французский журнал «Le Mercure du XIX-e siècle», вступила на путь, «который должен привести к освобождению русского народа, поднять его к лучам свободы; это путь, который ведет к подлинному могуществу»⁴⁸. Умеренно-либеральная газета «Journal des Débats» 5 февраля 1826 г. поместила статью, в которой на основе доставленных из России материалов излагались ход восстания на Сенатской площади, структура тайных обществ и политическая программа участников движения. «Constitutionnel» писала, что в движении декабристов «заложена идея справедливости и социального права». «Чем вызвано петербургское движение? — спрашивала тогда эта газета. — Это то же, что происходит во Франции, Англии, Америке, Риме и Париже, в Мадриде и Мексике, то есть всеобщее мировое движение, которое захватило и Россию»⁴⁹. По свидетельству французского мемуариста Г. де Невилля, «в то время в Париже распространялось любопытное письмо с изложением хода заговора»⁵⁰. Английская печать, долго не верившая в возможность выступления представителей русского дворянства против самодержавия, была сдержанна в своих оценках; она, по словам Н. И. Тургенева, «регистровала факты, которые доходили до нее с театра событий.., делала замечания и высказывала свои соображения лишь в тех пределах, какие допускала природа самих фактов и степень их достоверности»⁵¹.

Документы следствия и суда над декабристами, хотя их текст и был приведен почти полностью во всех крупнейших европейских газетах, комментировались обозревателями весьма осторожно. «Английские газеты не принимали за чистую монету все, что говорилось в докладе Следственной комиссии; ни одна не желала придавать этой канцелярской странне той веры, которой заслуживают в подобных случаях обвинительные акты»⁵². В сентябрьском номере прусской газеты «Allgemeine Literaturzeitung», выходящей в Галле, был помещен отзыв о «Донесении» Следственной комиссии и опубликованном в то время «Приговоре членам организации Союз молодых». Н. И. Тургенев считал автором этой статьи Кампца и писал: «В Германии нашлось ученое животное, которое в длинной диссертации старалось подавить своей тяжелой эрудицией тайные общества вообще, доказать их опасность, вредное влияние на ход событий; связать между собой необходимость своего рода взаимного застрахования между правительствами против их злонамеренных подданных... Чтобы доказать, что тайные общества всех стран были в связи одно с другим и составляли, так сказать, одно полное целое, автор этой длинной и лживой диссертации г. Кампц в подкрепление своих рассуждений настаивал на поразительном сходстве уставов русского «Союза Благоденствия» с уставами «Тугебунда»⁵³. Ф. фон Энзе «совершенно положительно» называл автором этой статьи некоего государственного советника Якоба»⁵⁴.

Французские органы консерваторов «Quotidiënne», «Drapeau blanc», «Moniteur» восхищались «великодушным поведением» Николая I и в один голос утверждали, что следствие и судебный процесс над участниками восстания обеспечили обвиняемым «гарантию правосудия». Либеральные же газеты отмечали, что декабристы были осуждены «без всякой защиты и что все происходило при закрытых дверях». «Constitutionnel» писала тогда, что суд в Петербурге «носит печать тирании и беззакония»⁵⁵. В целом, однако, западноевропейская печать, сделавшая, по словам А. Стендаля, «поразительное открытие, что свободолюбивые убеждения гнездятся даже в русской армии», не смогла понять подлинный смысл восстания 14 декабря, ибо весьма смут-

⁴⁸ П. А н г р а н. Указ. соч., стр. 115—116.

⁴⁹ Там же, стр. 105.

⁵⁰ «Memoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville». Vol. III. P. 1892, pp. 306—309.

⁵¹ Н. И. Т у р г е н е в. Россия и русские. Т. 1. М. 1915, стр. 140.

⁵² Там же, стр. 141.

⁵³ Там же, стр. 141—142.

⁵⁴ А. Н. П ы п и н. Указ. соч., стр. 185.

⁵⁵ П. А н г р а н. Указ. соч., стр. 109.

но представляла себе характер происшедших событий, хотя нередко и подчеркивала свою симпатию к «революционерам с берегов Невы». Это объяснялось не только неосведомленностью органов печати, но и тем, что в то время, например, во Франции, уже «трудно было сформироваться идеям, подобным тем, которые лежали в основе движения декабристов»⁵⁶.

В западноевропейской публицистике конца 20-х годов XIX в. получили развитие две основные концепции, проявившиеся в первых же откликах прессы на восстание декабристов. В духе официальной версии излагались петербургские события в обозрениях К.-Л. Лезюра в «Историческом ежегоднике» за 1825 и 1826 гг., в книгах А. Эгрона «Жизнь Александра I» (Париж. 1826) и Ж. Ансло «Шесть месяцев в России», вышедшей в Брюсселе в 1827 году. Иную трактовку движения давали французские литераторы Ж. Обернон и М. Ниллон-Жибер, пытавшиеся вскрыть подлинные причины появления тайных обществ в России. Обернон в «Исторических и политических размышлениях о России, Австрии, Англии и Пруссии» (Париж. 1827) подчеркивал, что общества декабристов преследовали цель добиться политической реформы государства и ограничить абсолютизм. Ниллон-Жибер, побывавший в русском плену после 1812 г., а позднее — участник революции 1830 г. в Бельгии, в книге «Россия, или взгляд на настоящее положение этой империи» (Париж. 1828) выступил против официальных сообщений, отрицавших участие народа в восстании на Сенатской площади. Итальянский демократ, видный деятель европейских тайных обществ Л. Анджелони в книге, вышедшей в Лондоне в 1826 г., писал о своем восхищении перед «чудесными и неслыханными ранее человеческими поступками», которые совершили восставшие 14 декабря.

К концу 20-х годов интерес к событиям 14 декабря стал в странах Западной Европы ослабевать. О восстании 1825 г. упоминали Ж.-Б. Мей в книге «С.-Петербург и Россия в 1829 г.», Ж. Эно и Шеншо в пятом томе своего труда «Философская и политическая история России» (1830 г.). Сочинения англичан Т. Уилкока, Дж. Узбстера, Э. Мортонна, французских литераторов Л. Пари и М. Шопена содержали малоизвестные подробности о событиях на Сенатской площади, хотя в смысле исторической их оценки следовали официальной версии⁵⁷.

Летом 1839 г. в Россию приехал французский путешественник и литератор маркиз А. де Кюстин, который был любезно принят в Петербурге. К этому времени Николай I явственно начал ощущать, по словам Е. В. Тарле, «необходимость обратиться к себе самому с хвалебным словом, и притом непременно на французском языке, в назидание Европе»⁵⁸. Однако царь обманулся в своих ожиданиях. Аристократ и убежденный роялист, де Кюстин отправился в Россию, «чтобы искать там аргументов против представительного образа правления», вернулся же во Францию «сторонником конституции». В период пребывания в России маркиз имел несколько встреч с Николаем I. Во время одной из них беседа коснулась восстания декабристов. Позднее, с помощью А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, П. Я. Чаадаева и Д. Н. Свербеева, с которыми де Кюстин встречался в Петербурге, последнему удалось подробнее узнать о процессе над декабристами, жестоком приговоре Верховного уголовного суда и участи осужденных. Прочитав в августе 1839 г. письмо Е. И. Трубецкой из Сибири, де Кюстин воскликнул: «Нет более колебаний, нет более неизвестности — для меня суд над императором Николаем состоялся наконец!»⁵⁹. Не стремясь понять основные идеи и исторический смысл декабризма и отрицательно относясь к освободительному движению в целом, маркиз, однако, выступил в защиту участников восстания 14 декабря. Его книга «Россия в 1839 г.», вышедшая во Франции весной 1843 г., имела огромный успех. Первое ее издание разошлось мгновенно.

⁵⁶ Там же, стр. 98.

⁵⁷ См.: А. Н. Ш е б у н и н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. «Бунт декабристов. 1825—1925». Л. 1926, стр. 284—310; Л. В. К р е с т о в а. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. «Исторические записки». Т. 13. 1942, стр. 222—233; М. П. А л е к с е е в. Английские мемуары о декабристах. «Исследования по отечественному источниковедению». М.-Л. 1964, стр. 243—254; О. В. О р л и к. Указ. соч., стр. 96—105.

⁵⁸ Е. В. Т а р л е. Запад и Россия. Пгтр. 1918, стр. 43.

⁵⁹ Там же, стр. 51.

Второе издание, предпринятое в том же году, было дополнено рассказом о повешении пяти декабристов 13 июля 1826 г., услышанном де Кюстином от «человека, близкого к французскому посольству в России». По предположению французского историка М. Кадо, это мог быть граф Ляфферона⁶⁰. «Книга Кюстина о России потрясла двор, — писал из Петербурга поверенный в делах Франции барон д'Андре. — Цензура наложила арест на экземпляры, поступившие в книжные лавки. Однако не могли быть охвачены все экземпляры книги»⁶¹.

Царское правительство предприняло шумную пропагандистскую кампанию против «дерзкого маркиза». Агент по особым поручениям III отделения Я. Н. Толстой срочно опубликовал в 1843 г. два опровержения этого сочинения. Старший советник министерства иностранных дел К. К. Лабинский подготовил «Слово о труде Кюстина». С целью дезавуирования «лживых известий» де Кюстина за границу был послан литератор Н. И. Греч. Соответствующая книга его появилась первоначально в Гейдельберге в конце 1843 г. на немецком языке. Но западноевропейская публика не обратила желательного Петербургу внимания на потуги литературных агентов царизма. «Откликнись на Кюстина, — писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому в июле 1843 года. — Книга читается всей Европой»⁶². Рассказ Кюстина о содержании участников восстания в Петропавловской крепости, об обстоятельствах казни и продолжающихся правительственных гонениях на «государственных преступников» вызвал возмущение европейской общественности. Не случайно Греч в своем сочинении специально останавливался на жизни декабристов в Сибири, нарочито рисуя ее как идиллию⁶³.

В чартистском журнале «The London Democrat» была опубликована в 1839 г. проникнутая истинным сочувствием к декабристам статья польского эмигранта Беньовского «Польская революция», две главы которой посвящены восстанию на Сенатской площади⁶⁴. Немало неприятных минут доставил петербургскому правительству роман А. Дюма-отца «Записки учителя фехтования, или восемнадцать месяцев в С.-Петербурге», вышедший двумя изданиями в Брюсселе в 1840 году. В основу романа положена история жизни декабриста И. А. Анненкова и его жены⁶⁵. В 1844 г. в Лондоне анонимно вышел трехтомный труд шведа Ш.-Ф. Хеннингсена «Открытие России», впоследствии переведенный на многие европейские языки. Автор сочувственно писал о декабристах и высоко оценивал их подвиг. В том же году в Париже Ф. Лакруа опубликовал книгу «Тайны России. Политическая и моральная картина Русской империи». В ней содержалась суровая критика царского деспотизма.

Весьма подробно события 1825 г. излагались в работе И.-Г. Шницлера на французском языке «Тайная история России во времена императоров Александра и Николая, и в частности во время кризиса 1825 г.». Автор не выходил за пределы официальных документов. Страницы, касающиеся декабристов, — это «пространная, не совсем притом точная выписка из напечатанного в 1826 году на всех языках «Донесения Следственной комиссии», которое автор облек в форму собственного рассказа и дополнил несколькими анекдотами»⁶⁶. Сочинение Шницлера получило широкую известность и в 1847—1848 гг. было переиздано во всех западноевропейских

⁶⁰ M. Cadot. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839—1856). P. 1967, p. 225.

⁶¹ Ibid., p. 229.

⁶² «Остафьевский архив кн. Вяземских». Т. IV. СПб. 1889, стр. 256.

⁶³ N. Gretsich. Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine. Bruxelles. 1844, pp. 118—119.

⁶⁴ Ю. В. Ковалев. Статья о декабристах в чартистском журнале. «Вопросы истории», 1954, № 12, стр. 119.

⁶⁵ Подробнее об откликах в европейской литературе на 14 декабря см.: В. А. Михайлов. Отголоски декабристского движения во французской литературе. Историко-литературный очерк. М. 1911; К. И. Казьменко. Отзвуки восстания декабристов в зарубежной литературе (немецкой, польской и французской). «Сборник трудов» историко-филологического факультета Ставропольского педагогического института. Вып. 13. 1958, стр. 39—73; П. Рейман. Основные течения в немецкой литературе 1750—1847 гг. М. 1959, стр. 425—426.

⁶⁶ М. А. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. Изд. 3-е. СПб. 1857, стр. VII.

странах. Вплоть до конца 50-х—начала 60-х годов, когда появились соответствующие работы А. И. Герцена и Н. П. Огарева и первые публикации Вольной русской типографии о декабристах, оно оставалось основным источником сведений о событиях 14 декабря для западноевропейских читателей. Книга Шницлера, до некоторой степени ослабившая первоначальный общественный эффект записок «дерзкого маркиза» де Кюстина, была воспринята в Петербурге как значительная услуга, оказанная русскому правительству. Автора наградили орденом св. Владимира 4-й степени и избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук⁶⁷. И все же (любопытная черта той эпохи) в самой России эта книга была запрещена.

В 1847 г. в Париже вышло на французском языке трехтомное сочинение Н. И. Тургенева «Россия и русские». Активный член тайного общества, он еще в 1824 г. уехал за границу и фактически отошел от движения. Восстание 14 декабря, судя по его дневнику, явилось для него неожиданностью. Весной 1826 г. ему было передано высочайшее повеление приехать в Петербург и предстать перед Следственной комиссией. Н. И. Тургенев посчитал свое «присутствие в С.-Петербурге совершенно излишним», но, не желая находиться на положении «государственного преступника» и уступив настояниям своих братьев А. И. и С. И. Тургеневых, в мае 1826 г. отправил в Петербург объяснительную записку, в которой отказался считать себя виновным перед законом. В сентябре 1826 г. он составил вторую записку, которая, как и первая, не возымела никаких официальных последствий. Дело о 14 декабря было «закрыто», и царь не собирался вступать в полемику с «государственным преступником». Между тем, после опубликования документов Верховного уголовного суда и казни пяти декабристов 13 июля 1826 г. Н. И. Тургеневу показалось важным убедить общественное мнение в том, что он «не переступал никогда обязанностей честного человека». После четырехлетней работы он составил к 1830 г. «Замечания одного из обвиняемых (Николая Тургенева) на Донесение Следственной комиссии, которые должны быть напечатаны после его смерти» и дал в них обстоятельные возражения по каждому пункту обвинения. Он предполагал добиться тем самым «ревизии процесса» и публично доказать «юридическую несостоятельность» обвинений, предъявленных декабристам.

Впоследствии, когда мысль о повторном судебном процессе ему пришлось оставить, Н. И. Тургенев приступил к составлению книги «Россия и русские» с целью изложить «все события для справедливого... суда современников и будущих поколений», печатно доказать, что ни одно из его «действий не могло быть рассматриваемо как противное закону, как подсудное какому-либо суду». Он полагал, что его шаги «благодетельно» отразятся «на других осужденных, которые изнывали и изнывают еще в Сибири». «Я не стремился оправдать себя,— писал он воспитателю цесаревича поэту В. А. Жуковскому.— Я обвиняю других. Я излагаю перед всеми свои действия и заявляю о беззаконии тех, кто осудил меня. В свою очередь я становлюсь судьей над моими судьями»⁶⁸. Однако превратить самооправдание в обвинение Тургеневу не удалось: его книга, переведенная позднее на ряд европейских языков, в целом все же не соответствовала замыслу автора, ибо, доказывая свою невиновность, он намеренно (в интересах самозащиты) искажал порою истину и утверждал, что «никогда не было никакого общества»⁶⁹, отрицал революционность тайных организаций и выставлял декабристов либералами, вся вина которых состояла лишь в том, что они более последовательно пытались претворить в жизнь начинания, отражавшие замыслы самого же правительства. Таким способом Н. И. Тургенев попытался опровергнуть обвинение в «преступности» тайных организаций. В результате его произведение в конечном счете, по справедливому утверждению акад. М. В. Нечкиной, оказалось «по ту же сторону баррикады, что и правительственная концепция»⁷⁰, хотя на первых порах и причинило ущерб официальной версии критикой документов следствия и суда над декабристами. «Особое мне-

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 3, д. 71, л. 8.

⁶⁸ Цит. по: В. М. Тарасова. Происхождение либеральной концепции декабризма. «История и историки». М. 1965, стр. 328.

⁶⁹ Там же, стр. 302.

⁷⁰ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 1. М. 1955, стр. 14.

ние» Н. И. Тургенева о событиях 14 декабря уже тогда не показалось достаточно убедительным западноевропейскому общественному мнению. Газеты упрекали автора в том, что «великое национальное движение он низвел до мелкой степени юридического рассуждения и следственного производства о заговоре»⁷¹.

В 1847 г. вышло «Историческое обозрение царствования императора Николая I» профессора Петербургского университета Н. Г. Устрялова, составившего свои труды, как метко заметил А. И. Герцен, «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича»⁷². Первая глава этого сочинения, «Восшествие на престол», посвященная событиям в декабре 1825 г., была, по существу, написана под диктовку царя. Эта книга, тщательнейшим образом отредактированная при дворе и переведенная затем на многие иностранные языки, не оказала серьезного воздействия на западноевропейскую литературу середины XIX века. С самого начала попытки самодержавия скрыть истинный характер событий 14 декабря и скомпрометировать декабристов в глазах иностранного общественного мнения оказались тщетными. А в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в., когда западноевропейская публицистика стала особенно враждебной по отношению к николаевской России (хотя разные течения — по различным причинам), передавая общественность видела в декабристах мужественных борцов против деспотизма, за социальное и политическое освобождение русского народа.

18 февраля 1855 г. умер Николай I. Царем стал Александр II. С переменной, происшедшей в Зимнем дворце, связывались большие надежды. В русском обществе заговорили о наступлении «нового времени». Стремясь произвести на общественное мнение впечатление просвещенного и либерального монарха, Александр II в первые годы правления сделал несколько широких политических жестов. Одним из проявлений этого правительственного курса должно было стать прощение «государственных преступников, прикосновенных к замыслам и действиям тайных обществ, открытых в 1825 году». Осенью 1856 г. начали возвращаться из ссылки декабристы. Они сразу же оказались в центре общественного внимания, ибо память о 14 декабря чтит вся передовая Россия. С новой силой возродилось устное предание, закономерно делавшее декабристов символом освободительного движения в России. Судьба декабристов была для многих людей 50-х годов XIX в. примером благородного служения отчизне. Амнистия декабристов привлекла внимание и западноевропейской общественности. Пресса широко комментировала это событие. Ряд газет поместил справки о 14 декабря, об июльской казни 1826 г. и сибирской ссылке многих участников движения.

Царское правительство было поставлено перед необходимостью выработать противоядие «вредным» мыслям и найти способ изменить нежелательное настроение европейских умов. Таким противоядием, по замыслу Александра II, должно было стать публичное издание сочинения барона М. А. Корфа, в 1848 и 1854 гг. напечатанного в глубокой тайне «для членов императорского дома и для некоторых доверенных особ». В июле 1857 г. оно под заглавием «Восшествие на престол императора Николая I» вышло третьим («первым для публики») изданием, а 5 августа 1857 г. в «Северной пчеле» появилось составленное самим Корфом и одобренное царем объявление о «небывалом государственном откровении», которое тотчас было перепечатано в западноевропейской прессе. Корфовское сочинение явилось фактически политическим документом, в составлении и редактировании которого на разных этапах его создания принимали участие практически все члены императорского дома и крупнейшие царские сановники. Оно имело задачей подтвердить неизменность основных положений официальных документов о 14 декабря, защитив правительственную трактовку от «искажений» и «вымыслов», доказать «чуждость» русского народа революционным идеям Запада и неколебимую «верность престолу». Осенью 1857 г. появились переводы книги на французский, английский, шведский, финский, голландский и польский языки. Западноевропейские официозы, похваливая сочинение, приводили из него обширные выписки. Но, например, во Франции книга

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, д. ЛЖ/1847, л. 127 об.

⁷² А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XIV. М. 1958, стр. 297.

оказалась почти незамеченной. Причиной тому была вышедшая в свет незадолго до того двухтомная «История императора Николая» А. Баллейде, в основу которой положено сочинение Корфа в списке первого издания (1848 г., причем, по словам Баллейде, экземпляр книги был прислан ему из Петербурга неизвестным лицом)⁷³.

Официальная история событий 14 декабря, изданная в Петербурге, вызвала возмущение А. И. Герцена и Н. П. Огарева. «Перед книгой барона Корфа мы не могли, не должны были молчать,— писал Герцен,— кому же и поднять голос за великих предшественников наших, как не нам, русским, покинувшим наше отечество для того, чтобы раздавалось хоть где-нибудь свободное русское слово. Тем больше, что мы от них считаем наше духовное рождение, что их голос разбудил нас к жизни и их пример поддерживал через все существование наше. Как же нам молчать перед публикацией Корфа? Она нас оскорбила и требует ответа»⁷⁴. В «Письме императору Александру II», напечатанному в октябрьском номере «Колокола» за 1857 г., Герцен выступил с протестом против «жалкого, ложного, рабского воззрения на события» со стороны Корфа и рассматривал его «раболопную брошюру» не просто как очередную правительственную фальшивку, но как своеобразное политическое заявление, утверждавшее полную солидарность нового царя с политической программой своего предшественника. «Вот причина, почему мы придаем важность тощей и неловкой книге Корфа», — отмечал Герцен⁷⁵.

Но Герцен не ограничился критикой этого произведения в «Колоколе» и готовил новую дозу «антикорфики». 19 сентября 1857 г. в лондонской газете «The Athenaeum», рядом с объявлением книгопродавца Муррея о предстоящем выходе в свет английского перевода книги Корфа, было напечатано извещение о том, что издательство «Н. Трюбнер и К^о» готовит английское издание той же книги «с введением и критическими заметками Александра Герцена»⁷⁶. В конце сентября Герцен отказался от первоначального замысла и вместо английского перевода решил издать разбор сочинения барона, приложив к нему основные правительственные документы о декабристах⁷⁷. Объявления о новом издании, помещенные Н. Трюбнером в немецких газетах, сообщали о готовящемся выпуске книги тиражом в 400 экз. в первой половине декабря 1857 года. Информация о печатании сборника появилась и в «Колоколе» (1 ноября). 12 ноября Герцен писал М. К. Рейхель: «Теперь в печати «14 декабря 1825 и император Николай». Трюбнер печатает по-русски, французски, английски и немецки»⁷⁸. 1 января 1858 г. в письме И. С. Тургеневу А. И. Герцен сообщал: «Книга о Корфе готова»⁷⁹. Все издание разошлось за 1,5 месяца (последнее объявление о продаже книги напечатано в «Колоколе» 15 февраля), а впоследствии были предприняты дополнительные выпуски сборника. Так, к осени 1863 г. на книжном складе Н. Трюбнера в Лондоне имелось еще 299 экз. этой книги⁸⁰.

Выступление Вольной русской типографии приобрело большой политический резонанс. Сборник «14 декабря 1825 и император Николай» с большим интересом был встречен в Западной Европе. Царское правительство пыталось воспрепятствовать его распространению в разных странах. «Нас боятся и преследуют все больше и больше,— писал Герцен 23 декабря 1857 г. М. К. Рейхель,— о книге против Корфа есть уже приказ, чтоб в Германию не пускать по всем границам»⁸¹. Несмотря на запреты, герценовская работа быстро стала одним из самых популярных изданий о декабристах. Александр II, один из главных инициаторов издания официальной истории 14 декабря и фактический соавтор Корфа, предпринял срочные контрмеры. В октябре 1857 г. царское правительство обратилось с предложением о сотрудничестве к уже известному Шницлеру. Царь был уверен, что Шницлер, считавшийся в европейской науке среди-

⁷³ Рукописный отдел ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 380 (М. А. Корф), д. 50, лл. 114—115.

⁷⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XIII. М. 1958, стр. 67.

⁷⁵ Там же, стр. 68.

⁷⁶ Рукописный отдел ГПБ, ф. 380, д. 50, л. 86.

⁷⁷ Там же, лл. 91—92.

⁷⁸ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XXVI. М. 1962, стр. 135—136.

⁷⁹ Там же, стр. 149.

⁸⁰ В. А. Черных. К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцена и Огарева. «Археографический ежегодник за 1969 г.». М. 1971, стр. 128.

⁸¹ А. И. Герцен. Собр. соч., Т. XXVI, стр. 146.

ны XIX в. знатоком России, сможет противостоять Герцену и Огареву, и предложил ему возобновить начатое последним еще в 40-е годы XIX в. издание «Империя царей», обязуясь возместить большую часть расходов и, кроме того, ежегодно выплачивать автору 500 рублей⁸². Четыре объемистых тома под названием «Империя царей с современной точки зрения» Шницлера появились на европейском книжном рынке лишь в 1862—1869 гг., но так и не достигли цели, поставленной официальным Петербургом.

Еще в ноябре 1857 г. Корф сформулировал возражения, которые были призваны опровергнуть обвинения, содержащиеся в «Письме» Герцена к Александру II. Слухи о том дошли до Лондона. 1 мая 1858 г. в «Колоколе» появилась заметка «Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу «О 14 декабря 1825 года»? — Просим и желаем»⁸³. Однако бумаги Корфа так и не были отправлены в Лондон. Позднее царю представился, как ему показалось, новый способ ответить Вольной русской типографии, когда в сентябре 1859 г. хранитель Арсенальской библиотеки в Париже, автор многочисленных исторических произведений П. Лакруа, известный под псевдонимом «Библиофил Жакоб», предложил царскому правительству свои услуги для «возбуждения в Европе восхищения и уважения к памяти императора Николая I». Делу был дан быстрый ход. По высочайшему повелению от 10 декабря 1859 г. Лакруа была назначена для составления «Истории императора Николая I» государственная пенсия сроком на 3 года с ежегодной выплатой 10 тыс. рублей⁸⁴. В мае 1860 г. Лакруа приехал в Петербург. Совместно с Корфом он разработал план и подобрал документы для задуманного труда, после чего пожелал ознакомиться с собранными Корфом «Материалами для биографии Николая I». Царь просмотрел подготовленные к тому времени семь томов «Материалов» и собственноручно отметил на полях необходимые изменения в тексте, чтобы «сделать этот документ возможным для передачи иностранцу»⁸⁵. Вернувшись в Париж, Лакруа приступил к составлению обширной истории жизни и царствования Николая I.

В это время Вольная русская типография продолжала широко печатать материалы о декабристах, а в 1860 г. живший в эмиграции либерально настроенный кн. П. В. Долгоруков, автор шумевшей «Правды о России», объявил о намерении издать «Историю заговора 14 декабря 1825 года». Тут в 1861 г. вышло сочинение Лакруа⁸⁶. Вопреки ожиданиям автора и Петербурга эта книга прошла незамеченной публикой и при полном молчании прессы. Двуглавый орел, помещенный на заглавном листе произведения (впервые в истории западноевропейского книгоиздания он украсил сочинение иностранного автора), придавал книге особый политический смысл. Царское правительство продлило пенсию автору. «Если даже затраты достигнут 60 тыс. франков, или 15 тыс. рублей,— писал Корф министру императорского двора В. Ф. Адлербергу,— то это не будет дорого для биографии императора Николая, выполненной рукой мастера и распространенной по всей Европе»⁸⁷. Лакруа продолжил работу и в 1864—1873 гг. опубликовал восемь томов «Истории императора Николая I». Каждый том сначала просматривался Корфом, и его замечания отсылались в Париж вместе с высочайшим разрешением на печатание. Новое сочинение расценивалось в правительственных кругах России как крупный успех официальной пропаганды. И все же, несмотря на обилие хвалебных рецензий, оплаченных Петербургом, своеобразное историческое предприятие «Лакруа и К^о» окончилось крахом. «Вне России эта книга,— писал Корф в 1865 г.,— не нашла много читателей»⁸⁸.

Герцен сумел опередить «многотомное» наступление царизма на Вольную русскую типографию. Еще в 1858 г. по просьбе Международного комитета демократов он составил для западноевропейских читателей специальный очерк «Русский заговор 1825 года», явившийся сжатым изложением главных фактов, приведенных ранее

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 7, д. 316, лл. 3—3 об.; оп. 8, д. 316; оп. 9, д. 282; ф. 776, оп. 2, д. 18.

⁸³ А. И. Герцен. Собр. соч. Т. XIII. М. 1958, стр. 268.

⁸⁴ Рукописный отдел ГПБ, ф. 380, д. 477; ЦГАОР СССР, ф. 728, д. 2610, л. 13.

⁸⁵ Рукописный отдел ГПБ, ф. 380, д. 477.

⁸⁶ P. Lascoix. Nicolas Ier, l'empereur de Russie. P. 1861.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 728, д. 2610, л. 13 об.

⁸⁸ Там же, д. 2754, л. 5 об.; ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 554, л. 706.

в книге «14 декабря 1825 и император Николай». Затем им же в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. были опубликованы сочинения братьев Бестужевых, Ф. Ф. Вадковского, В. К. Кюхельбекера, М. С. Лунина, И. И. Пущина, Н. Р. Цебрикова, В. И. Штейнгеля, С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина. Русская заграничная демократическая печать широко перепечатывала эти материалы. В отдельных выпусках «Международной библиотеки» и «Собрания материалов для истории возрождения России», издававшихся в 1874—1905 гг. Э. Л. Каспровичем, вновь увидели свет записки упомянутых декабристов, материалы к биографии К. Ф. Рыльева, а также официальные документы следствия и суда над декабристами. Некоторые материалы публиковались впервые. Так, в издании «Русская библиотека» еще в 1859 г. были напечатаны воспоминания М. А. Фонвизина. У Ф. А. Брокгауза в серии «Библиотека русских авторов» в 1861 г. было издано первое заграничное «Полное собрание сочинений Рыльева».

Герцен и Огарев сделали достоянием западноевропейской общественности широкий круг исторических документов, раскрывавших подлинный смысл событий 1825 года. В конце 60-х годов XIX в. у Герцена возник замысел написать цикл статей о традициях передовой русской общественно-политической мысли. В 1868 г. в «Колоколе» под названием «Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках по их воспоминаниям» были напечатаны его этюды об И. Д. Якушкине, К. Ф. Рылееве, Н. А. Бестужеве. Знакомя читателей с историей революционной мысли в России, Герцен дал развернутую характеристику декабризма, сделав особый упор на выяснение политических целей движения и его революционного характера. Он показал глубокую обусловленность движения всем предшествующим развитием страны и раскрыл значение событий 1825 г., поставив их в связь с последующими этапами освободительного движения в России. Публицистическая и издательская деятельность Герцена и Огарева конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. окончательно скомпрометировала в глазах западноевропейской общественности официальную концепцию о 14 декабря и в значительной степени способствовала последующему изучению истории декабризма.
